

В этот раз Хан Сиэню не удалось сразу удостоиться аудиенции. На круглом лице евнуха Юань Бао по-прежнему играла привычная угодливая улыбка, однако в самой глубине его глаз затаилась едва заметная тревога.

Наблюдая за смятением в мыслях евнуха, Хан Сиэнь быстро понял: государь занемог. Обычная простуда на сей раз навалилась внезапно и тяжело. Впрочем, император превыше всего ценил величие: даже когда от слабости и головокружения темнело в глазах, он упорно делал вид, будто ничего не произошло. Сам проводил утренние приемы, разбирал доклады чиновников и наотрез отказывался звать кого-либо к своему одру.

Хан Сиэнь прождал у дверей императорской опочивальни совсем недолго — вскоре государь очнулся ото сна и велел впустить гостя. На щеках правителя горел нездоровый румянец. Заметив вошедшего, он натужно раскашлялся; седая борода смешно задергалась, разом лишив повелителя привычной грозности и придав ему сходство с самым обычным, немощным стариком.

Император потянулся было почесать зазудевший нос, но вовремя спохватился и опустил руку. Смерив Хан Сиэня тяжелым взглядом, он недовольно спросил:

— Ну? С какой бедой ты притащился на этот раз?

Хан Сиэнь смиренно опустил взор:

— Ваше Величество, низжайше прошу вас лишить меня титула наследника герцога Хань.

Император прищурился. Тяжелый хмель от болезни будто разом отступил от его воспаленного разума. С неподдельным любопытством он спросил:

— Вот как? Другие расшиблись бы в лепешку ради такого титула, а ты от него воротишь нос, словно от горячего угля. Что за блажь?

Хан Сиэнь ответил со всей прямоотой и кажущейся искренностью:

— Ваше Величество, я повидал слишком много грязи и предательства. Видел, как из-за жажды власти брат идет на брата, а сын предает отца. Я твердо решил, что никогда не свяжу себя узами брака. Однако отец не оставляет попыток навязать мне свою волю, принуждая к тому, что мне глубоко противно. К тому же я нажил немало врагов. Пока жива милость Вашего Величества, они не смеют и пальцем меня тронуть. Но пройдут десятилетия... кто защитит моих детей и внуков, когда меня не станет? А потому...

На губах Хан Сиэня промелькнула холодная, едва заметная усмешка.

— Вы и сами знаете, государь: я с раннего детства медленно угасал от яда. Поверить в то, что

герцог Хань ничего об этом не ведал, я не могу. Да и теперь, когда мое лицо исцелилось, отец при одном взгляде на меня бледнеет от ужаса. Стало быть, совесть его нечиста. Наш дом процветал со времен великого основателя династии, но нынешние потомки погрязли в низости и лишь позорят имя славных предков. Пожалуй, будет лучше, если Ваше Величество вовсе упразднит титул герцога Хань.

Император смерил его долгим, странным взглядом:

— Хан Сиэнь, ты лукавишь. Тебе просто претит быть наследником, или же ты спишь и видишь, как сотрешь весь род Хань с лица земли?

Встретившись с ним глазами, Хан Сиэнь произнес ровным, лишенным страха голосом:

— Ваше Величество зрит в самый корень. Мне не нужен этот титул. И этот дом мне тоже не нужен.

Прежде он ни за что не посмел бы высказать столь крамольные мысли вслух.

Император оставался плоть от плоти сыном своего века. С одной стороны, он чтил заветы сыновней почтительности, но с другой — жаждал безраздельной власти. Хан Сиэнь требовался ему как послушный клинок, верное орудие для расправы с неугодными. Но чтобы клинок не обратился против хозяина, повелителю нужна была узда. Поместье герцога Хань служило идеальным поводком: пока Хан Сиэнь цеплялся за титул наследника и боролся с собственным отцом, он нуждался в высочайшем покровительстве и беспрекословно повиновался.

Прежде Хан Сиэнь безупречно разыгрывал эту карту, тонко чувствуя границы дозволенного и извлекая из монаршей воли личную выгоду. Именно поэтому он годами терпел нападки родственников, не спеша равнять с землей опостылевшее гнездо.

Но теперь времена переменялись.

Болезнь подтачивала силы императора. На глазах у двора крепло влияние третьего принца, Цзи Ло. С каждым днем государь все острее ощущал собственную немощь и неодолимую силу молодого преемника. Власть ускользала, приближалась старость, а за ней и неизбежный финал.

Кроме того, Хан Сиэнь не дорожил наследием предков. Исчезнет ли поместье герцога Хань или погрязнет в нищете — ему было глубоко безразлично. Однако прежний владелец этого тела погиб от рук собственной родни, и Хан Сиэнь жаждал свершить справедливое возмездие, дабы упокоить чужую, застрявшую между мирами душу. Лишить семейство Хань того, ради чего они были готовы пойти на любое преступление — власти и богатства — казалось самым изысканным наказанием.

И наконец, его лицо. Поразительное сходство с покойным Ван Инем заставляло императора метаться. Разумом он понимал, что юноша не должен больше служить слепым орудием мести, а потому легкий шаг за черту дозволенного сейчас вряд ли навлек бы на Хан Сиэня монарший гнев.

Жар, должно быть, окончательно затуманил рассудок государя. Он не вспыхнул, услышав дерзкую просьбу, и даже не испугался, что ситуация выходит из-под контроля. Помассировав занывшие виски, он внезапно спросил:

— Оставим пока твои речи. Скажи мне начистоту: ты бежишь от брака из-за личной прихоти или всему виной этот проходимец Бай Шу?

Слухи об особой связи между инструктором Баем и наследником Хань уже давно будоражили столицу, достигнув в конце концов и императорских покоев. Глядя на юношу, правитель испытывал сложное, ни на что не похожее чувство.

Лицо Хан Сиэня слишком сильно напоминало ему о Ван Ине. Государю чудилось: стоит юноше повести кого-то под венец, и это будет означать, что сам Ван Ин предал его память и ушел к другому. От этой мысли в груди разгоралась глухая обида.

Однако и слухи о непотребной связи с Бай Шу ранили монаршее самолюбие. Он прекрасно знал, что Хан Сиэнь унаследовал от покойного лишь облик, характер же у него был жестким, даже беспощадным. Император никогда не пытался принудить его к близости, пользуясь властью, но втайне желал, чтобы этот человек до конца своих дней оставался в одиночестве. Так было бы спокойнее.

Хан Сиэнь угадывал эти эгоистичные метания. Проще всего было бы успокоить больного монарха, отрестировать от слухов о Бай Шу и заверить, что делить ложе он не намерен ни с мужчинами, ни с гёерами.

Но перед мысленным взором вдруг возник образ Бай Шу — то, как тот с несчастным видом пинал мелкие камешки у его ног. Хан Сиэнь мысленно усмехнулся собственной слабости. Пусть сейчас он не испытывал к бывшему гвардейцу пылких чувств, отрицать, что позволил тому слишком многое, было бессмысленно. А Бай Шу из тех людей, кто, ухватившись за палец, непременно откусит руку по локоть.

Поэтому Хан Сиэнь ровно обронил:

— Одно другому не мешает.

И пускай это не было чистой правдой, слова прозвучали твердо.

Император опешил. Он ожидал оправданий или холодного отрицания, но никак не прямого

признания. Внутреннее смятение достигло предела; в эту секунду ему нестерпимо захотелось упечь наглеца в темницу под любым благовидным предлогом.

Впрочем, Хан Сиэню было плевать. Если он не желал потакать чужим капризам, то шел наперекор даже владыке Поднебесной. Мало кто в империи мог позволить себе подобную дерзость.

Да и кем был император в глазах пришельца из иного мира? Лишь смертным, волею судеб получившим право распоряжаться чужими жизнями. Но смерть — это как раз то, чего Хан Сиэнь боялся меньше всего на свете, не говоря уже о призрачном блеске богатства и чинов.

Император свирепо сверлил его взглядом, но юноша безмолвствовал, сохраняя видимость почтения, за которой скрывалось непоколебимое упрямство. В конце концов голова монарха разболелась с новой силой. Он бессильно опустил на подушки, шумно вздохнул и рассудил, что казнить столь ценного слугу сейчас было бы верхом глупости.

— Ладно, — слабо прохрипел государь. — Твои заслуги в Сицзяне велики, а награды ты так и не получил. Считай, что я исполняю твою просьбу. Ступай. Скоро прибудет указ о лишении тебя титула наследника.

В его тоне не было угрозы — лишь усталое капризное раздражение. Хан Сиэнь чинно поклонился в знак благодарности, но уходить не спешил:

— Ваше Величество, у меня осталась последняя покорнейшая просьба.

Император нехотя приоткрыл глаза:

— Что еще?

На губах Хан Сиэня заиграла мягкая улыбка:

— Мой отец спит и видит, как породнится с помощником министра доходов, взяв его законнорожденного сына-гэера в жены наследнику дома Хань. Поскольку я этот титул утрачу, низжайше прошу Ваше Величество издать указ о женитьбе нового наследника на этом гэере.

Разумеется, император не обязан был знать по имени каждого отпрыска мелких чиновников. Однако помощник министра доходов Чжао Куань прославился при дворе своей исключительной проницательностью и бесстыдством в погоне за чинами, чем и запомнился государю. К тому же о его старшем сыне-гэере, Чжао И, давно ходила дурная слава «губителя мужей» — все его потенциальные женихи гибли один за другим. О характере юноши император ведать не ведал, но имя его помнил твердо.

Государь и представить не мог, что герцог Хань уготовил для собственного сына столь

зловещую партию. Глядя на то, с каким неприкрытым ехидством Хан Сиэнь предвкушает чужие беды, император почувствовал, как по спине пробежал легкий холодок. Не выдержав, он ткнул дрожащим пальцем в сторону двери и рявкнул:

— Вон! С глаз моих долой!

Хан Сиэнь не заставил себя просить дважды и спешно удалился. На душе у императора было беспокойно. Вновь и вновь прокручивая в голове слова юноши, он зацепился за то, что Хан Чжо терпеть не может лицо собственного сына. На лбу монарха пролегла глубокая складка гнева. Вспылив, он схватил со столика пустую чарку и с силой швырнул ее на пол.

Герцог Хань смеет выказывать неприязнь к лицу Хан Сиэня? Да как он смеет! Это ведь то же самое, что презирать облик самого Ван Ина!

Осознание того, что безвременная кончина его любимца тесно переплетена с тайнами дома Хань, всколыхнуло в сердце государя старые обиды. Гнев и жажда мести вспыхнули с новой силой.

И все же Хан Сиэнь злил его не меньше. Прежде этот негодник умел услаждать слух тонкими речами, теперь же от каждого его слова веяло ядом и дерзостью.

А самое невыносимое заключалось в том, что казнить его император по-прежнему не желал. От собственного бессилия на душе становилось совсем тошно.

Хан Сиэнь вернулся в поместье герцога Хань в превосходном расположении духа. Не успел он переступить порог, как вслед за ним явились императорские посланники. Зачитывать высочайшую волю прибыл лично евнух Юань Бао. Указ оказался краток: за проявленное у престола непочтение лишить Хан Сиэня титула наследника герцогского дома.

Весть обрушилась на обитателей поместья подобно грому среди ясного неба. Все от мала до велика замерли в оцепенении. Даже немощный Хан Чжо с трудом повернул голову, в упор разглядывая старшего сына, на чьем лице не дрогнул ни один мускул. Еще когда Хан Сиэнь только отбыл в чертоги, герцог мучительно гадал, какую каверзу тот выкинет на этот раз и как это скажется на благополучии семьи.

В мрачных предчувствиях Хан Чжо доходил до крайностей: ему виделось, как императорская гвардия оцепляет поместье. Но даже в самом дурном сне он не мог вообразить, что сын добровольно явится во дворец лишь для того, чтобы лишить себя законного наследства.

Насладившись смятением, застывшим на лицах домочадцев, Юань Бао с неторопливой грацией извлек из широкого шелкового рукава второй свиток. Этот указ объявлял новым наследником

дома Хань шестого младшего брата — Хан Юэвэня.

Когда прозвучал первый указ, госпожа Лю едва сдерживала торжествующую улыбку. Но со вторым манифестом ликование захлестнуло ее с головой. Ей казалось, будто она спит и видит самый вожаденный сон в своей жизни: заветная мечта, к которой она шла столько лет, исполнилась в одно мгновение.

Однако не успела сияющая супруга герцога увлечь за собой растерянного Хан Юэвэня для коленопреклоненной благодарности, как евнух Юань Бао, не спеша, развернул третий свиток. То было повеление о высочайшей помолвке: новоиспеченному наследнику в супруги определялся законнорожденный гэр из семьи помощника министра доходов — Чжао И.

Радость госпожи Лю улетучилась без следа. Услышав имя нареченного, она покачнулась, ноги ее подкосились, а перед глазами все завертелось в безумном вихре. Потеряв всякое приличие, она истошно вскрикнула:

— Да как же это... Этого не может быть!

Этого проклятого Чжао И она самолично выискивала по всей столице для Хан Сиэня, зная о его жуткой славе губителя мужей! Каким же образом рок сотворил столь страшную шутку, и император сосватал это чудовище ее собственному, драгоценному сыну? Это было не благословение небес — указ нес верную гибель ее мальчику. От ужаса и отчаяния слезы хлынули из глаз госпожи Лю, смывая остатки праздничного румянца.

Юань Бао скользнул по бледной, растерзанной горем женщине равнодушным взглядом и елеиным голосом пропел:

— Госпожа, должно быть, вне себя от счастья. Юный господин только что обрел титул наследника, и тут же — высочайшее соизволение на брак. Истинно великое, двойное торжество для вашего дома!

Госпожа Лю судорожно глотала воздух, пытаясь возразить, но Хан Чжо опередил ее. Преодолевая слабость, он сделал неверный шаг вперед, с трудом приподнял онемевшую руку и хрипло произнес:

— Великая милость... Нижайше благодарим Его Величество за щедрость.

Договорив, герцог попытался подняться, дабы лично поднести евнуху кошель с серебром в знак признательности, но Юань Бао поспешно остановил его мягким, но твердым жестом. На его лице расплылась еще более широкая улыбка:

— Полноте, господин герцог, не утруждайте себя. Ведь у меня остался последний, четвертый указ, который старый слуга еще не зачитал.

Хан Чжо застыл как вкопанный. Четыре императорских указа подряд — небывалая, почти пугающая щедрость для одного дворянского гнезда. И в глубине души старого герцога зашевелилось липкое, ледящее предчувствие беды.

<http://bllate.org/book/20088/2002101>